

20 ИЮН 1984

● 4 ● «КОМСОМОЛЬСКАЯ

ЖИЗНЬ

БЕЗ

ОТСТУПЛЕНИЙ

2207

Известному советскому писателю Василию БЫКОВУ — 60 лет. «Комсомолка» поздравляет его с награждением орденом Ленина и золотой звездой Героя Социалистического Труда.

Он живет в доме, похожем на Брестскую крепость. Громадные стены красного кирпича, ступенчатые повороты подъездов, последние капли, оставшиеся от летнего дождя, падающие с коротким стуком на бетон, на камень; глубокая тишина двора, таящая в себе неожиданность... Лифт, плавно взлетающий вверх. Звонок. Мягкие шаги. Дверь открывается. На пороге человек. Светлые чистые волосы. Светлые глаза. Лицо без улыбки, лицо строгое. Но отчужденности не чувствуешь. Может, потому, что рукопожатие — крепкое, живое, располагающее?

Этой рукой он написал свои повести. А прежде чем сесть и написать, этой рукой он должен был сжимать оружие, должен был целиться, стрелять, побеждать... А еще он рисовал этой рукой — в осыпавшихся окопах, на привалах, на марше. Мне так и кажется: все, что он написал потом, вышло именно из тех, военных, рисунков, из тех, стремительных и жестких, движений простого карандаша.

Простым карандашом, не раскрашивая, рисовать жизнь, конечно, нелегко. Жестковатым, колющим получается абрис. Не всем он нравится. Штрих, еще штрих — сломанная линия горизонта, пучок серой соломы, какой-то смерзшийся куст, без названия, без имени, темное тяжкое небо, а под ним — белое бесконечное поле, снег суровый, не гнущийся, а сразу проваливающийся наст... И через это, через все, тридцать девять лет подряд идут и идут его герои, выходя из войны, из-под огня, падая, поднимаясь...

Да, он никогда не писал маслом. Но в его черно-белом, пропахшем гарью мире угадываются черты большой правды. Правды, которую, может быть, и не передать сочностью красок, пластичностью глины.

В его повестях почти нет отступлений. Читаешь сначала и думаешь: ему, наверное, более всего интересно и важно, как разовьются события, как поступит герой, как скрепятся обстоятельства... Видимо, надо читать дважды. И тогда короткие штрихи, пучки соломы и серые фигурки людей, прямые углы окопов и сломанная линия горизонта, будто соединятся в одно, там, в сознании, — и жесткий рисунок взорвется вдруг далекой перспективой; случится странное: нужно не созерцание, необходима работа, чтобы это внезапно, прямо на глазах, случилось.

И тогда становится понятным, зачем он пишет. Тогда уже оказывается ясным, зачем движутся его герои по этому длинному, бесконечному полю.

Пройдет своей дорогой лейтенант Ивановский. Время и место, два главных обстоятельства, непредсказуемо сцепляясь, приведут его не к вражеской базе, а к возу гнилой соломы. Проползет по жесткому снегу раненый Сотников, и его путь позже назовут восхождением...

Надо иметь хороший слух, чтобы услышать, как в этой громадной белой тишине совершаются эти трагические подвиги. Но нужно обязательно услышать и их, сбегать и их, а стало быть, оценить и их — эти никем не замеченные, не знаменитые подвиги. А такое, видимо, необходимо, иначе можно прошагать мимо и не понять, что главная мера человека — сам человек, иначе можно не догадаться о всей глубине утраты, о масштабе, о цене Победы...

...Он живет и пишет в доме, похожем на Брестскую крепость. Он живет и работает в центре Минска, в доме, стоящем на улице Танковой.

Но, прежде чем приехать или прийти сюда, следует позвонить.

И тогда с той стороны телефонного провода раздастся густой голос с ясным белорусским выговором:

— Василь Быков слушает.

Быков слушает. Быков слышит.

А. АФАНАСЬЕВ.